

УДК 130.2
БК Ю0/7.87 Ч11.71

А.А. ОНОСОВ

УЛЬТРАТЕХНОЛОГИЗМ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АБСУРД ИЛИ ПОСТАНТРОПНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Рассматриваются характерные проявления высоких технологий в планетарной цивилизационной динамике. Обсуждаются перспективы и риски развития глобального человечества, создаваемые доминированием технокультуры. Прослеживается влияние информационных технологий на характер и направленность процесса культурной эволюции человека, трансформацию идентичности *homo sapiens* как биологического вида.

Ключевые слова: ультратехнологизм, информационные технологии, культурная антропология, эволюция человека, постантропная идентичность.

Хорошо известно, что каждое поколение с некой обреченностью на логическую обязательность приходит к эмпирическому выводу, что оно живет в беспримерную «эпоху перемен», с большей или меньшей твердостью констатирует «трудные времена» и утерю ясных перспектив будущего, разбирая завалы обетованных прежних эпох и облагораживая терриконы рудников исторического процесса. На одном полюсе унывное «*O tempora! O mores!*», на противоположном — пассионарно целестремительное «*Per aspera ad astra!*». И в центральной точке ментального тонуса, разумеется, конструктивно утилитарное мироотношение с его заповедью «*Carpe diem*», гедонистически примиряющей локально-частную экзистенцию с наличным обширно-целокупным бытием.

Действительно, существенно нестационарна и постоянно усложняется топология социоприродного пространства-времени, происходит непрерывная смена типов культур и отвечающих им стратегий цивилизационного развития, пластичен — культурно-антропологически — и сам человек как представитель особого вида живого вещества планеты. Но вывод о необратимом «подтоплении» обжитых высот социокультурной динамики и сопряженная с ним пассивная тревога за будущее, в иные времена граничащая с обреченностью, остается фундаментально неизменной, исторически обязательной и надежно вкопанной в утрамбованную веками историческую рефлексию сигнальной вехой. Темная константа исторического процесса в его частной «антидиалектической» проявленности! Таково эмпирическое обобщение практической социологии...

Тревоги нынешнего времени, не являясь претенциозным исключением и не посягая на эту ментальную константу, имеют свою конкретно-историческую акцентуацию. Переживаемое нами пограничье времен, длящееся несколько последних десятилетий, возбуждается ультратехнологическим доминированием — обертонном высокого и оттого жесткого технологизма в основной теме развития мирового социума.

В чем же выражается это взвинчиваемое до высочайшей ноты (но и это еще не гиперзвук!) явление технокультуры и в чем его ясно-благостные, светлые обещания и сумеречно-рисковые, теневые пятна недосказанности, в смешении тонов намечающие контрастную картину будущего, которым незримо — уже вот ныне — деятельно напоен эфир настоящего?

В основе феномена ультратехнологизма — сквозная информатизация и глубокая кибер-конверсия цивилизационной практики во всей функциональной толще и разнообразии форм ее осуществления, сущностное ИТ-преобразование социальной организованности и самой жизни индивида в приватном длении ее повседневности.

Действительно, на временном интервале двух последних десятилетий предельно ясно обнаруживается взрывной рост *информационного потенциала* планеты, доминирование информационно-кибернетической составляющей техносферы. Это стремительное, выражаемое гиперэкспоненциальной кривой неуклонное возрастание информационной насыщенности среды жизни, плотности и интенсивности информационно-коммуникационных сетей и взаимодействий, собственно ноосферы.

Натиск информационных технологий, виртуализация действительности порождает свои, ранее закрытые, возможности для общества и личности, задает новую архитектуру социального взаимодействия. По сути, на наших глазах происходит утверждение и институализация демократии принципиально нового, *информационного*, типа: демократии оперативного доступа, непосредственного применения и прямого действия. И содержание такой демократической актуализации личности в информационной среде социума далеко выходит за рамки исключительно политических технологий. Это одна из форм единства человечества, его действительной глобальности, планетарной всеобщности, которая оказывается более проявленной, полной и в этом смысле — более реальной, нежели политическая, экономическая или культурная, оставаясь при этом сугубо виртуальной. Очевидно, это

есть одно из проявлений технической зрелости актуальной ноосферы.

Вместе с тем, на фоне кибертехнологического мейнстрима выявляются новые, уже *пост*-постмодернистские грани идеологии потребления: информационная всеядность и ненасытность обыденного сознания, выражающиеся в перепроизводстве и избыточном (превышающем способность осознанного восприятия) потреблении информационной продукции, разноформатных медиаобразов; в псевдореалистическом проигрывании фантастических ситуаций и, напротив, использовании виртуальных принципов для управления действительностью; в погружении психики в поток как реальных, так и ирреальных сюжетов, создании стереотипов-химер. Общество материального насыщения и пресыщения все глубже уходит в цифровые пески информационного, виртуально-чувственного услаждения, вместо селекции, распознавания и углубления опорных смыслов соблазняясь киберязыческим информационным пожирательством, лишенным аксиологических берегов. Сладострастный клич «хлеба и зрелищ!», в свое время огласивший распад Римской империи, теперь обрел свою IT-актуализацию.

Информационное потребительство выливается в новую форму проявления гедонизма, в погоню за информационными эндорфинами, в культ фантомных ценностей. Информация приобретает статус целевого стратегического ресурса, причем ресурса не столько естественного и потому ограниченного (как природные ископаемые), сколько техногенного, генерируемого самим человеком вне и помимо биосферных процессов. Наряду с «само-родной» информацией человек по своему произволу формирует информационные пласты (и даже свалки), организует информационные потоки в биосфере (и уже за ее пределами) в видах, формах, объемах и семантической определенности, не известных в природе. Формируется особый рынок услуг, которые предлагают специализированные информационные хранилища и цифровые склады, пригодные как для архивации нефальсифицированных ценностей «невесомого характера», так и для затаривания терабайтами виртуального хлама, неусыпно сканируемого контент-стражами воздвигаемой, теперь уже цифровой, империи. Не создает ли такая геоинформационная динамика предпосылки для грядущего новозоологического варварства, информационной агрессии цивилизованного человечества? Не усиливает ли она риски срыва человека в высокотехнологичную и потому высокоэффективную бессмысленность бытия? Культура «высокого взаимодействия» уже породила формы IT-аутизма и IT-эскапизма, на очереди, очевидно, технологическое обретение и освящение (во имя Цифры присно инвариантной) IT-буддизма, а в политическом измерении — крепчающего с каждым микрочипом IT-тоталитаризма.

Эти и другие фактически наблюдаемые издержки, как и потенциально вероятные трансакции в сфере цифрового оборота, характеризующие эпоху активного формирования «тверди» информационной мира, перерасширяют размеренное предыдущими циклами научно-технологиче-

ского развития сознание и требуют мировоззренческого okayмления в картине нового онтологического порядка.

С широкополосным и всепроникающим внедрением информационных технологий связан характерный ноосферный феномен — формирование и стремительное наращивание пласта реальности, которая по ее субстанциональности может быть определена как *мезофизическая*¹ [1]. Мезофизическая реальность, или гиперреальность, связующая мир вещей и мир идей, на своем, информационном, субстрате отображает единицы-объекты этих миров в едином, унифицированном и независимом от исходной природы объектов преобразованном формате — в виде оригинальных цифровых ансамблей. Генерируемые логические единицы информационной реальности транслируют приданный прообразом семантический и аксиологический отпечаток, но обладают своим, уже автономизированным, функционалом. В конечном счете, они представляют собой модели, по которым возможно воспроизведение-реплицирование исходного объекта, а значит — переход в разные состояния, отвечающие определенным уровням физической реализации этого объекта.

Человек, безусловно, с необходимостью вплетен в этот безудержный процесс тотального цифрового транспонирования, в генезис цифровой «материи» «среднего мира» различными информационными нитями. Прежде всего, развитие информационных технологий, внедрение IT-форм и техник общения приводит к появлению неизвестных в био-ноосфере былых эпох многовариантных возможностей для практически безбарьерного и интенсивного медийного бытования личности. С помощью доступного инструментария разнообразной и непосредственной «публикации» личности, ее всевозможного самовыражения и самореализации происходит создание, наполнение и оборот цифрового образа этой личности в открытом коммуникативном пространстве.

Еще никогда в истории цивилизации отдельная личность не получала такую технологически обеспеченную свободу погружения в собственную творческую сущность, не обладала столь фундаментальным выбором возможностей для углубления самопознания, раскрытия и выявления своей индивидуальности; еще никогда человек не имел таких эффективных средств самопрезентации и автопубликации, высказывания и экспликации своего креативного потенциала и подлинной духовной продуктивности; еще никогда индивид не пользовался таким многофункциональным снаряжением для утверждения своего личного культурного кредо.

Все более разнообразный, совершенный и доступный арсенал многомерной медийной реализации человека приводит к явлению «информационной радиоактивности» личности, в результате которой ею создаются цифровые кластеры мезореальности: насыщенные коллекции

¹ Мезофизическая реальность, мезофизика (от др.-греч. μέσος — «средний» и φύσις — «природа») — реальность на границе раздела материального и идеального миров; переходный, диффузионный слой проявления реальности.

(библиотеки, музеи, галереи) информационных фактов, артефактов и гиперфактов — фактов виртуальной реальности, продуктов информационно-творческой активности. Это те оцифрованные идентификаторы, информационные струны человека, которые с растущей детализацией формируют его целостный «слепок», определяют цифровой эквивалент личности во всем многообразии ее проявлений.

Таким образом, паноптикум материальных следов проявления личности в ноосфере расширяется, дополняясь образами, моделями и символами нематериальной природы, плодами деятельного присутствия и участия этой личности в мезореальности. Это не только оцифрованная предметная «ветошь», но и разноформенные медийные образы-реплики, взятые из духовно-психического оборота личности, с которыми человек взаимодействовал в ходе его жизненных переживаний.

Другой, более информативный и точный метод получения аутентичного «аватара» человека — целевое прямое сканирование его базовых структур и процессов с доступной глубиной и детализацией, их распознавание и интерпретация в контексте общих закономерностей и, наконец, сборка полномерной информационной модели. Этот вектор «кибернетического секвенирования» сущности *homo sapiens* задан «нормальными» закономерностями технологического развития и прослеживается вполне отчетливо.

В долгосрочной перспективе можно прогнозировать возможность переноса полученного многомерного, структурно-содержательного образа сознания на новый носитель, перезаписи всей архитектоники актуальной психики на иной субстрат ее активного функционирования.

С учетом темпов развития современных цифровых технологий, разработки и формализации эвристических алгоритмов сложной, многоуровневой обработки больших массивов информации, можно предполагать, что реализация такого технологического комплекса высокого уровня потребует всего несколько десятилетий, возможно, будет осуществлена при жизни одного поколения.

Обобщая эту схему, можно утверждать, что дальнейшее развитие информационных технологий ведет к возможности целостного цифрового представления человека, его духовной сущности и переходу от киберформы человека к его чисто мезофизическому воплощению. Использование методов «антропологической математики» позволит выполнять абстрагирование индивидуума до уровня математической модели-формулы, с одновременным «обличением» этой цифровой формы, наполнением ее личным содержанием и приданием ей персонализированного характера.

В геологическом масштабе времени культурно-антропологическая мощь и разрешающая способность информационных технологий, информационный бюджет общества выявляются в планетной организованности как *фактор активной эволюции человека*, который по своей важности и действенности становится сопоставимым с традиционными, витально значимыми биосферными

ресурсами развития. От направленности ИТ-вектора, от качества циркулирующей в социуме и техносфере информации зависит эволюционная судьба *homo sapiens*, его технологически ускоряемая видовая пластичность и несущая идентичность. По одну сторону бифуркационного излома и психофизического самоопределения — информационно-потребительский комфорт для «нормализованного» человека, строгий регламент мышления и формат личности, предопределяемые, отслеживаемые и фильтруемые меритократией золотого миллиарда, по другую — свобода творческого погружения и самоуглубления человека, осознание им объективной деонтологии, демократия информационного типа и психократия.

В нынешних социокультурных обстоятельствах интегральное качество потребляемой информации преимущественно (и очевидно, не случайно) определяется продвижением и реализацией стратегии устойчивого развития; оно стихийно и слабо обогащается идеями и смыслами, обозначенными гуманистически ответственной, нравственно фундированной планетарной мыслью. И потому информационное насилие, информационная фальсификация и вымогательство, информационное мародерство — реальность наших дней. В практической плоскости уже поставлен вопрос о разработке эффективных видов информационного вооружения для ведения масштабных гражданских, национальных и глобальных информационных войн в преддверии искомого и превратно понимаемого благобытия.

Так или иначе, в настоящее время кибернетический вектор эволюции человека является одним из наиболее мощных и форсировано развиваемых. Перспектива генерирования киберантропной сущности нового человека получает не только технологическое, но и этическое, мировоззренческое обоснование. При этом становится очевидным, что идентичность эмпирического человека — индивида *homo sapiens* — приближается к верхней границе своей исторически обусловленной гуманистической определенности. Эта идентичность, оставшаяся практически неизменной на всем протяжении биоэволюционной истории современного человека, уже не позволяет охватить и учесть, корректно интерпретировать ультратехнологическую мутацию вида, она не позволяет включить кибернетическое измерение эволюции *homo sapiens* в базис векторов, в котором индивид определяет себя как живое и разумное существо.

Ультратехнологический драйв культурной эволюции, использование гиперреалистического представления и моделирования человека позволяет говорить о проявлении в организованности планеты нового антропного качества. Погружение культурно-эволюционного процесса в технологическую среду сопровождается изменением и мультипликацией идентичностей родового индивида, локальных обществ и планетарного человечества в целом. Тенденции и потенциал технокультуры, спроецированные на цивилизационную динамику, делают необходимым содержательное расширение культурной антропологии до неортодоксальных, возможно альтернативных смыслов,

знаменуют переход к категориям постантропного гуманизма. Гуманизма, преодолевающего кибернетическую абсурдизацию антропологии.

Каковы же прочерченные хайтек-треки в культурной антропологии? Вдоль каких кибертехнологических векторов направлено становление постантропного качества человека? И в каких особых точках культурной эволюции homo sapiens происходит расширение формата идентичности человека как биологического вида?

В настоящий момент не только на уровне «чистого разума», но и в виде конкретных, практически значимых технологических разработок в большей или меньшей полноте уже реализуются некоторые сюжетные линии эволюционной истории homo sapiens. Примеры технократического «гольфстрима» в культивировании постантропного качества очень разнообразны и разновелики. Наиболее характерные — на стыке медицины, кибернетики, молекулярной биологии и генетики, высокотехнологичных дисциплин, развивающихся взрывными темпами и имеющих непосредственное отношение к качеству жизни человека, а в определенном смысле — и к качеству самого человека, его психофизической идентичности.

Один из ультратехнологических трендов — реально начатое и приобретающее благодаря высокотехнологичным методам познания заметное ускорение *конструирования киберантропной сущности* — появление и становление «альтернативной соматичности» человека, создание его искусственных органов, фрагментов и тела. Это процесс кибернетизации homo sapiens путем его инструментально-операционного дооснащения, начиная с относительно простых механизмов-органовидов, монтируемых по жизненным показаниям, и заканчивая компонентами искусственного интеллекта, встраиваемыми в нервную ткань человека для усиления его сущностных характеристик и возможностей, улучшения качества бытия в целом. Такая коэволюция человека с интеллектуально-технической арматурой, безусловно, расширяет и углубляет его горизонт познания, повышает разрешающую способность человеческого восприятия, а в геоисторическом масштабе ее последствий ведет к его полноорганности². Корректная экстраполяция этой техногенно дополненной и усиленной эволюции homo sapiens позволяет говорить о последующем переносе психики, сознания индивида, самой его личности во всей целостности ее актуальных духовных проявлений в среду технически обусловленных форм жизни человека, а затем и непосредственно на физический субстрат жизненной мысли. Высочайшие и пока плохо расчитываемые орбиты такого пресуществования человеческого естества достигаются путем трансгуманистического кибермедицинского инжиниринга, проектирования

встраиваемой «умной» инфраструктуры, интегрируемой в единый контур сознания-управления разумного живого существа.

Другая смелая интенция научной мысли, рисующей техническое задание на решение вселенски амбициозной задачи — *развертывание жизненной мысли на «элементарной» основе* — переход к «фотонной», по сути бессубстанциальной форме разумной жизни, превращение последней в «единый вид лучистой энергии», как предполагал Циолковский. Это абсолютно устойчивая и мобильная, потенциально ничем не ограниченная форма жизненной мысли, которая как «единая идея заполняет все космическое пространство» [2, с. 424].

В этой смысловой точке «за закрытыми дверями» встречаются два вопроса: как эмпирически проявленной разумной жизни войти в «разум истины», придать статус неуничтожимой сущности, обрести неугасающую актуальность и бесконечность, и встречный — как физически реализуемой вечности, космологически раскрывающейся бесконечности придать статус живой мыслящей сущности, сознающей и творящей субстанции? Сегодня не представляется возможным рационально судить не только о возможности и вариантах решения этих вопросов, но даже о самой логической корректности их постановки и сопряжения. В последнем усилии ультратехнологизм упирается в реликтовые смыслы высочайшего порядка общности, рискуя провалиться в трансцендентные мировоззренческие пустоты.

Но есть и земная «середина пути», способного завести в дантов «сумрачный лес» антропологического абсурда. На культурно-эволюционном маршруте человек в своем самоопределении неминуемо должен пройти точку разрыва естественного гуманизма. Ибо киберантропологическая парадигма совершенствования постулирует, скорее, не *преображение* — органически постепенное и трудное прорастание в новое антропное качество с непрерывно хранимой им идентичностью, — а глубокую *модернизацию* исходного человека, его сверхантропную гиперреализацию и рефлексию. Может именно в этом и состоит главный, интуитивно предугадываемый подвох кибертехнопроекта... Общество, цивилизационный потенциал которого развивается и возвышается через сумму внешних, вне-социальных и вне-антропных технологий, через смену косных технологических плато, рискует вовсе соскользнуть с предгорья совершенствования природы самого человека.

Это противоречие между развитием техносферы и вмонтированного в нее кибернетического человека, между склонностью к негативному технологическому истолкованию возможностей симбиотической техно-ноосферы и эффектом позитивного развития общества и человеческой личности в лоне этой же «второй природы» [3, с. 314]. В ходе эволюции биосферы генерируемая человеком техносфера в отдельных явлениях как будто образует обособленную струю в едином потоке глобального процесса становления ноосферы, отслаивается и приобретает самозначимость в нем, заявляя суверенную

² Полноорганность — категория «философии общего дела» Н.Ф. Федорова, означающая способность человека модифицировать свой организм в соответствии с меняющимися функциональными требованиями и применительно к свойствам различных физических сред [1].

логику и создавая новый независимый фактор планетной реальности, особенно заметный под гуманитарным углом зрения. И очевидно, нужно как-то примирить высокие гуманитарные и социальные цели, исторически намеченный тренд глобального развития в сторону ноосферы с технократической практикой становления человечества. Ибо отрицание технологической подложки интерпретирует прогресс *прошедших* столетий как тупиковый путь и дезавуирует определенность развития *грядущих* исторических эпох. В настоящее время можно считать эмпирическим обобщением то, что технократизм есть исторически объективный этап развития. Зафиксированная в фактах реальная история цивилизации ретроспективно немыслима вне явления научно-технического и технологического прогресса, который, в какой-то момент, возможно, все же был лишь одной из альтернатив. В полной мере последствия этого эволюционного сценария будут выявлены в масштабе *геологического* времени, на отрезках же *исторического* времени они опознаются как вероятности технологических и прорывов, и срывов человечества, как противоречия, угрожающие искажением целевой функции *homo sapiens* — культурного вида живого вещества биосферы Земли.

В расширенном цивилизационном контексте киборгизация³ человека и кибернетизация человечества как продолжение компьютеризации и информатизации общества сопряжены с неизбежной конверсией культуры, обретением ею новых уровней-измерений своего проявления и инструментов чувственного и умозрительного воздействия; с построением общества кибернетического типа — киберсоциума. Это информационное общество, информационное качество и сущность которого реализованы не только и не столько за счет капитальной инфраструктуры, ноосферного качества *среды*, сколько уже непосредственно на уровне исходного *субстрата* разумной жизни — кибернетизированного человеческого существа, гиперреалистически продвинутой — расширенной и доукомплектованной — антропологии.

Представляется, что конвергенция человека и техники в части кибермедицины (в тех рамках, в которых она заявляет свою предметную область) процесс закономерный, позволяющий человеку не только обеспечивать рост видовой продолжительность жизни и значительное повышение ее качества, но и лучше — полнее, глубже и точнее — понимать сущность самих биоантропологических процессов, углублять представления о явлениях жизни в целом, без чего невозможно дальнейшее совершенствование человека в русле культурно-эволюционной стратегии.

В углубленной перспективе очерк кибернетизированного человека пока плохо поддается правдоподобной детализации, особенно в части его первородных гуманистических свойств, несмотря на то (или именно потому), что эта тема имеет опыт широкоформатного осмысления

и интерпретации в футуристических и научно-фантастических произведениях.

По одну сторону эволюционного потока можно угадывать уплывающий твердый берег изначального, природного гуманизма, неразрывно связанного с эмпирическим человеком, с драматизмом его социальной истории, бренностью и призрачным онтологическим статусом. На другой, отдаленной эволюционной излучине — весьма смутные образы нового человека, преодолевшего природные соматические пути, разомкнувшего физиологические контуры духовности, вырвавшегося из биосферного притяжения Земли и в претворенном виде вошедшего в творческое начало Универсума.

Очевидно, в ходе культурно-эволюционного преобразования ветхого человека будет видоизменяться, пластично переопределяться и само содержание гуманизма, который призван неразрывно, в каждой эволюционной точке, в каждом импульсе пресуществления соответствовать сущности человека.

Можно ожидать, что в ходе кибернетического достраивания, восполнения индивида будет определена мера подобной эволюции. Рано или поздно *homo sapiens* окажется на магистральном перепутье, один эволюционный тракт которого способен вывести, расправить и вознести его к пикам видового совершенства, другой, может быть, более прямоезжий — завести, смять и низвести в безжизненные пределы искусственного, могущественного разума, творчески «ортогонального» гуманизму. В последнем случае технологическое стремление к «новому человеку» теряет смысл, обращается против него, собственно утрачивает самого человека в объективно-обездушенном процессе, а гуманизм как дерзкая идея и замысел о человеке по жестокой высокотехнологичной иронии прогресса превращается в насмешку и абсурд!

Альтернативные сценарии плохо поддаются анализу при помощи современного логического инструментария. Это уже выход в открытый аксиологический космос...

Что же касается *обозримых* перспектив и образов киберчеловека, то, очевидно, вместе с неотвратимостью киборгизации следует видеть и преобразующий потенциал этого небывалого в биосфере процесса, надеяться на его собственную гуманизирующую функцию. Как психогенное по своему генезису явление, этот процесс, по сути, есть специфическое выражение реальной — как есть в настоящий момент — ноосферы. И это несколько утешает нынешние тревоги.

Так или иначе, гуманистическое векование *homo sapiens* в его сложившейся антропологической содержательности завершается. Эсхатология приобретает очертания ультратехнологической смуты, разъедающей твердь традиционных представлений гуманизма и подтачивающей монолит витальных ценностей. Фиксируемый и быстро оформляющийся трансгуманистический трек в поле кибермедицинского инжиниринга требует калибровки факторов биологического самоопределения *homo*, переформатирования антропной идентичности человека, переопределения самого содержания НS-гуманизма —

³ Киборг (сокращение от англ. *cybernetic organism* — кибернетический организм) — биологический организм, содержащий механические и/или электронные компоненты.

гуманизма, неразрывно связанного с видом *homo sapiens* и ему имманентного.

Каковы возможные последствия надвигающегося ультратехнологического цунами — в ближайшей прагматической, средней целесообразной и отдаленной мировоззренческой перспективах? Не грозит ли высокая волна ультратехнологизма смыть культурный ландшафт планеты, изойдя пеной гуманизма ветхого человека? Что ждет человечество в целом и «гражданина планеты» в частности «по ту сторону» культурной антропологии? Возможно, для осмысления подобных вопросов и перспектив пока недостаточно достоверных эмпирических фактов, и время развернутого дискурса еще не пришло. Но уже сегодня становится все более отчетливым осознание того, что силовые линии ультратехнологизма сходятся в предугадываемой точке технологической сингулярности, своеобразной «технологической черной дыре» планетарного бытия, преодолеть наваждение которой можно лишь в кумулятивной струе универсального целеуказания и сверхзадания цивилизации, в рамках иной организованности психоантропной и социоприродной реальности.

В масштабе текущих забот мировой политики и цивилизационных процессов прорисовываются свои, более приземленные, но явно нарастающие риски. Ультратехнологизм — та вожделенная технологическая платформа, которая служит пьедесталом и «матчастью» концепции устойчивого развития, более известной под вывеской «золотой миллиард». Шквальный ветер глобализации, преднамеренно создаваемый ультратехнологическим дав-

лением миллиардизма, грозит снести многие устоявшиеся формы социального взаимодействия, перенаправить и возмутить вековые течения социокультурной динамики.

И все же, при методичном анализе обозначившихся опорных точек ультратехнологизма, в нелинейной экстраполяции его магистральных линий можно распознать импульс и к иной всемирной эсхатологии, к иному исходу культурной антропологии. Уже сегодня на горизонте быстро меняющегося цивилизационного рельефа постепенно, технологически строго начинают проступать занебесные столпы мегалита Общего дела в той постановке, в которой оно было предложено русским космизмом в лице его «первомыслителя», «московского Сократа» Н.Ф. Федорова. Можно прогнозировать, что рано или поздно многозначная логика ультратехнологизма вынесет сознание пока еще несовершеннолетнего человечества, прельщаемого ярмарочной восторженностью благоденствия, на просторы общего дела, приподнимая его деятельной волей небо над эмпирическим горизонтом бытия. В противном случае теряет смысл и сама эсхатология.

Список литературы:

1. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995—1999.
2. Чижевский А.Л. Теория космических эр. / К.Э. Циолковский. Грезы о земле и небе. — Тула: Приокское книжное издательство, 1986.
3. Умов Н.А. Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова. В 7 т. — Т. 3. — М.: Типо-литография И.Н. Кушнерова и К°, 1916.